

дожественное «я» предстает в реальном, а не в мистифицированном виде, как это было в поэзии символистов.

В связи с этим М. Б. Храпченко ставит методологически важный вопрос о несхожести творческой индивидуальности и житейской личности писателя. Отвергая биографический метод в литературоведении, он пишет: «Мир, изображаемый художником, не отделен от его личности, но он, вместе с тем, и не сводится, если не считать крайне субъективных писателей, к совокупности его личных переживаний» (стр. 78).

Это имеет принципиальное, а учитывая последний литературоведческий опыт Б. И. Бурсова, и очень актуальное значение. Б. И. Бурсов в «романе-исследовании» о Достоевском («Звезда», 1969, № 12, 1970, № 12) осуществляет принципы «биографического» изучения даже гораздо последовательнее, чем сам основатель биографического метода Сент-Бёв, который часто искал и находил в литературном произведении «отпечаток... момента, когда оно увидело свет», и высоко оценивал творчество Гёте, которое было для поэта «освобождением от самого себя»². Работа Б. И. Бурсова может рассматриваться, конечно, и как своеобразная реакция на возникающую иногда социологическую нивелировку писателей и этой своей предпосылкой вызвать сочувственное отношение. Однако ее методологический пафос не может породить серьезных научных результатов. Данный пример еще раз убеждает в необходимости сопоставительного исследования творческой индивидуальности и литературного процесса в их внутренних взаимосвязях.

В книге М. Б. Храпченко предлагаются основательные теоретические рекомендации относительно изучения соотношения творчества писателя и литературного направления. Правда, мне кажется, автор, определяя «удельный вес» этих слагаемых историко-литературного процесса, иногда несколько недооценивает роль направлений, однако его критические суждения о попытках писать историю «без имен» заслуживают внимания и развития.*

Особый интерес вызывают мысли автора о значении крупных имен. Эти мысли лежат в основе предлагаемой М. Б. Храпченко типологической характеристики русского реализма XIX века. Классификация, содержащаяся в книге, в каких-то деталях может вызвать споры: за пределами тех типов реализма, которые здесь представлены (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, Чехов), есть и другие, отнюдь не второстепенные и вполне индивидуальные (художественный реализм Некрасова и Щедрина), но она служит хорошим научным ориентиром и весьма перспективна.

Однако не всегда можно согласиться с противопоставлением в книге крупных имен менее значительным. Разумеется, нельзя не признать вслед за автором ошибочной ту мысль, что общий характер литературного развития определяется не литературными корифеями, а малоизвестными писателями (впрочем, вряд ли эта мысль типична для нашей науки). Но вместе с тем, бывали такие исторические и литературные периоды, когда наиболее значительные идейные и художественные программы воплощались (во всяком случае, на первых порах) в творческой практике второстепенных писателей. Наше представление, например о «правде без прикрас» в изображении основного, крестьянского, сословия в России навсегда связано с опытом Н. Успенского.

Автор, конечно, прав, когда пишет о том, что творческое развитие Чехова отражает главные начала литературного процесса в России с большей глубиной, нежели деятельность десятка Боборыкиных и Данилевских. Верная фактически, эта мысль, вместе с тем, имеет еще один весьма важный аспект: здесь сопоставляются не только масштабы дарований, но и разные направления — реалистическое и натуралистическое, а это уже далеко выходит за пределы проблемы общего и индивидуального.

В книге хорошо показано, как игнорирование или неглубокое понимание творческой индивидуальности сближает сторонников натуралистического копирования тех, кто считает писателя простым «передатчиком» событий жизни, с теми, кто разделяет «формально-структурный подход к литературе» (стр. 60—61).

О последних нужно сказать особо. В некоторых методологических вариантах современного структурализма игнорируется не только творческая индивидуальность, но и вообще человеческая личность, что заставляет говорить об антигуманном характере подобных концепций. У Мишеля Фуко можно прочитать: «В наше время можно мыслить лишь в пустоте, где нет человека»³.

Следовательно, защита творческой индивидуальности, научная разработка этой проблемы имеют не только теоретико-литературное, но и социально-философское, социально-правственное значение.

Но при этом — что необходимо еще раз подчеркнуть — содержательность и перспективность такой разработки будут очевидными и значительными при условии постоянного учета историко-типологического аспекта. М. Б. Храпченко справедливо отвергает суждения историков Дильтея и Риккерта, полагавших, будто целью гуманитарных наук — в отличие от естественных — является не открытие законов, а исследование индивидуально-неповторимых явлений.

Предложенный в книге метод типологической классификации литературы опи-

² С е н т - Б ё в. Литературные портреты. Критические очерки. М., «Художественная литература», 1970, стр. 464, 470.

³ M. Foucault. Les mots les choses, Paris, 1966, p. 353.